

Как мужик холеру благодарил

19 февраля 1861 года, ровно 143 года назад, в России было отменено крепостное право. Трудно переоценить это событие, ставшее судьбоносным для тысяч простых русских людей. Но и задолго до них в России были те, кто получил свободу – среди всеобщего рабства. Что чувствовали они, обретая волю, кого благодарили? Проникнуть в эту тайну попыталась ярославский краевед Наталья Обнорская. На размышления о делах давно минувших лет ее натолкнула встреча с... одним портретом.

С особым интересом всматриваюсь в портреты, написанные в «дофотографическую эру» – до второй половины XIX века. Всегда чувствуется, с каким волнением готовился человек к позированию, как тщательно продумывались каждая деталь будущей картины, каждый изображенный предмет: портрет мыслился как вечный памятник этому человеку, рассказ потомкам о его идеалах и достижениях.

В Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике есть портрет крестьянина Федора Федоровича Трапезникова, написанный в 1838 году. Довольно молодой, породный мужчина, этаким Ильей Муромцем девятнадцатого века, чинно сидит на стуле возле небольшого стола. Левая рука согнута в локте, и большой палец ее заложен за борд добротного синего кафтана – солидно, по-благородному. Видимо, художник Иван Владимирович Баженов так посоветовал: он человек знающий, в Петербурге, в Академии художеств учился. А правая рука Федора Федоровича крепко, по-хозяйски покоится на бумагах, разложенных на столе.

Показывая эти бумаги, сам Федор Федорович даже отодвинулся в сторону, к краю портрета. Важнейшие это бумаги! Тексты, тщательно выписанные на этих листках, и дополнения ученых-исследователей рассказывают вот такую необычную историю.

В страшные дни холерной эпидемии 1831 года набожная старая дева графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская поклялась Богу, что если минует ее сия болезнь, то отпустит она на волю рабов своих – крепостных Елоховской вотчины, что в Рыбинском уезде. Сбылось, помиловал Господь графиню.

И молодой бурмистр (то есть управляющий) Елоховской вотчины Федор Федорович сын Трапезников тотчас начинает бурную деятельность. Он получает от крестьян доверенность, которая дает ему полномочия выступать представителем всей вотчины; уже к 1 июня того же 1831 года собирает огромную, по крестьянским меркам, но необходимую сумму 1200 рублей, «учиняет» с графиней условие об освобождении всей вотчины, проходит все ступени, все круги канцелярий и присутственных мест, и вот «16 августа 1833 года в Санкт-Петербургской гражданской палате во 2-м Департаменте совершен Отпускной Акт». Федор, его семья, вся большая вотчина – свободны! Вольные хлебопашцы!

*Что есть теперь у нас... – все наше!
И сами мы теперь свои!*

Эти ликующие эти слова – из оды, которую сочинил в честь освобождения, видимо, сам Федор Трапезников. Листок с одой и все документы, касающиеся освобождения крестьян Елоховской вотчины, и лежат под рукой Федора Федоровича. Портрет, написанный через пять лет после освобождения, – памятник, подтверждение и закрепление

в веках великого события и роли самого Федора Трапезникова в этом деле. Согласитесь, что спокойное достоинство изображенного на портрете вполне уместно.

Но что-то в этом портрете «не так». Это – глаза. Живые, умные, насмешливые. С озорным блеском смотрят они на нас, хохочут, поддразнивают: пойми то, что писать нельзя, оцени то, что мы сделали.

Ведь мало ли господа болтают да обещаний дают, а мы свое не упустили. Все как надо сделали. Себя Федор в записях так и называет – «мы», прямо как государь император. А как называет бывшую барыню? Ея Сиятельство – и все, без имени, без отчества. Благодарит ли благодетельницу? А как же!

*Скажу
Я вам мои любезны дети
А вы своим детям
О ТОЙ
Которая в недрах вам
Всю благодать излила
Свободу вечную дала
И нас столь щедро наградила
.....
Как мать родная наша
Всех нас на волю вечно
отпустила...*

Так кто же она, эта благодетельница? Нет имени! Имя находим на другом листке: «В досто-

памятный 1831-й год Милосердный Господь посетил наше любезное отечество смертоносной болезнью Холерою. А Ея Сиятельство явила свое милосердие даровала нашей вотчине вечную Свободу».

Так кто даровал свободу? Важнейшие слова написаны здесь с большой буквы: Господь, Свобода и... Холера! За нарочитой простотой проглядывает издевка: не барыню истеричную, а Холеру – истинный дар Милосердного Господа благодарит за все этот умный мужик.

Барыня, конечно, – спасибо ей – простилась по-доброму:

*Мы помним от ея приятные слова,
Как нас она родными называла...*

Святой иконой нас благословила,

*Свой собственный портрет
И фамильный графский герб
В достопамятство вручила.*

Куда его, этот герб?.. А воля, воля Божия – с нами, навсегда, навечно! Спасибо Холере!

Говорят, русская душа загадочна. Верно ли поняли мы тебя, Федор Федоров сын Трапезников, русский крестьянин, и в крепостном рабстве не ставший холопом?

Наталья ОБНОРСКАЯ.